

СОЦИАЛЬНОЕ ИЖДИВЕНЧЕСТВО И ПАРАЗИТИЗМ В ПРОДУЦИРОВАНИИ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

И.С. Карпикова, Е.И. Нефедьева, О.Г. Седых

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

12 февраля 2018 г.

Дата принятия в печать

6 апреля 2018 г.

Дата онлайн-размещения

27 апреля 2018 г.

Ключевые слова

Социальное иждивенчество; социальный паразитизм; социальное законодательство; социальная защита; правовое регулирование; качественное социологическое исследование; противоправное поведение; мошенничество

Финансирование.

Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский фонд фундаментальных исследований» на реализацию в 2017 г. научного проекта № 17-03-00477/17 «Влияние идей патернализма на поведенческие стратегии: исследование практик социального иждивенчества и социального паразитизма отдельных категорий населения» (протокол № 4 (186) от 15 марта 2017 г.)

Аннотация. В современных условиях увеличение проявлений социального иждивенчества и паразитизма выступает одним из важнейших факторов, повышающих степень криминализации общества. В статье представлены теоретико-прикладные подходы к формулированию понятий «социальное иждивенчество» и «социальный паразитизм», определены различия между ними, обозначена особенность использования в нормативно-правовой терминологии. Выделены категории населения, в наибольшей степени подверженные социальному иждивенчеству и паразитизму. Сформулированы особенности проявления социального иждивенчества у представителей разных категорий населения. Рассмотрены юридические основания формирования и воспроизводства практик социального иждивенчества и социального паразитизма, а также возможности сохранения и трансформации данных практик у представителей разных категорий граждан. Проанализировано содержание федеральных законов, нормативно-правовых актов Иркутской области, в которых присутствуют нормы, предоставляющие возможности реализации практик социального иждивенчества и паразитизма среди населения в целом и его отдельных категорий. Сделаны выводы о возможности противоправного и преступного поведения лиц, склонных к проявлению социального иждивенчества и паразитизма, в рамках реализации действующего социального законодательства. Анализ норм законодательства в работе сопровождается многочисленными примерами практик социального иждивенчества и паразитизма, полученных авторами в ходе проведения качественного социологического исследования в форме экспертного интервью и фокус-группы. Представленные примеры описывают наиболее распространенные конкретные случаи проявления социального иждивенчества и паразитизма при использовании норм законодательства. Приведены мнения экспертов по поводу влияния существующих норм социального законодательства на распространение практик социального иждивенчества, а также отмечены возможные направления совершенствования нормативно-правовых актов с целью предотвращения возникновения и сохранения подобных практик. Авторский анализ, проведенный в работе, отличается широким охватом законодательных актов, регулирующих все сферы предоставления социальных гарантий населению. На основе выполненного анализа законодательства и обобщения экспертных мнений в работе сделан вывод о значительном влиянии несовершенства норм законодательства и недостатка механизмов контроля за предоставлением социальных гарантий на распространение практик социального иждивенчества и паразитизма среди представителей разных категорий населения, что, в свою очередь, способствует мошенничеству и другим видам преступного поведения отдельных категорий граждан.

SOCIAL DEPENDENCE AND PARASITISM IN INDUCING UNLAWFUL BEHAVIOR

Irina S. Karpikova, Elena I. Nefedyeva, Olga G. Sedykh

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2018 February 12

Accepted

2018 April 6

Available online

2018 April 27

Abstract. In contemporary conditions the growth of social dependence and parasitism is one of the critical factors in increasing the criminalization level of society. The paper presents the theoretical and practical approaches to defining the concepts of «social dependence» and «social parasitism», determines the differences between them, describes the specifics of their use as normative legal terms. The authors single out the categories of people who are most prone to social dependence and parasitism and describe the specific manifestations of social dependence among different groups of people. They also examine the legal basis of the formation and reproduction of social dependence and social parasitism, as well as the possibilities of the

Keywords

Social dependence; social parasitism; social legislation; social security; legal regulation; quality sociological research; unlawful behavior; fraud

Acknowledgements

The work is carried out with the financial support from the Federal State Budgetary Institution «Russian Fund of Fundamental Research» for implementing the Research Project № 17-03-00477/17 «The influence of paternalistic ideas on behavioral strategy: studying the practices of social dependence and social parasitism of some groups of people» in 2017 (protocol № 4(186) of March 15, 2017)

preservation and transformation of such practices for the representatives of different categories of population. The authors have also analyze the contents of federal laws, normative legal acts of Irkutsk region, which include the norms that provide opportunities for the practices of social dependence and parasitism for the general population and for its specific categories. The authors draw some conclusions regarding the unlawful and criminal behavior of persons prone to social dependence and parasitism within the framework of implementing the current social legislation. The analysis of the legislative norms is accompanied by numerous examples of the practices of social dependence and parasitism that the authors accumulated during sociological research that included an expert interview and a focus-group. The presented examples describe the most common specific manifestations of social dependence and parasitism when using the norms of legislation. The authors also present the opinions of experts regarding the influence of the existing norms of social legislation on the spread of the practices of social dependence and outline the possible ways of improving the normative legal acts to prevent and curtail such practices. The authors' analysis encompasses a large number of legislative acts that regulate all spheres of social guarantees for the people. The analysis of legislation and the generalization of expert opinions allow the authors to conclude that the drawbacks in legislative norms and the insufficient control over the provided social security guarantees have a considerable impact on the spread of social dependence and parasitism among the representatives of different groups of people which, in its turn, contributes to frauds and other types of criminal behavior among some categories of population

Недостаточное правовое регулирование категорий социального иждивенчества и социального паразитизма не позволяет сформировать и выстроить юридически обоснованную стратегию предотвращения и снижения степени укорененности в современном российском обществе иждивенческих и паразитических проявлений в поведении отдельных категорий населения.

Социальное иждивенчество следует рассматривать как комплексную категорию, характеризующую проявление разных форм социально-экономической зависимости от государства среди отдельных групп населения. Социальный паразитизм, представляя собой в наибольшей степени выраженную стратегию поведения в рамках социального иждивенчества, зачастую характеризуется неправовыми практиками или криминальными способами присвоения социальных и материальных благ, принадлежащих государству или отдельным гражданам.

В современной литературе понятие «социальное иждивенчество» определяется как: 1) система жизненных ценностей и установок трудоспособного человека, ориентированная на потребительское отношение к жизни и перекладывающая ответственность за свои материальные и другие блага на плечи общества и государства; 2) способ существования, при котором социальный субъект удовлетворяет свои потребности за счет других, имея возможность удовлетворять их самостоятельно [1; 2].

Социальное иждивенчество представляет собой достаточно разнообразное по структуре и неоднозначное по содержанию явление, поскольку всегда существует значительная доля населения, которое вынужденно потребляет общественные блага, и существуют индивиды, поведение которых нацелено на сознательное продуцирование и поддержание экономической зависимости [3–5]. Явление социального иждивенчества не может восприниматься как исключительно негативное, например человек, работавший и плативший налоги, вправе получать пенсию за счет налогов с ныне работающих [6, с. 400].

Обобщая определения понятия «иждивенчество», данные различными авторами, можно представить его как постоянное стремление индивида во всем рассчитывать не на свои силы, а на помощь других экономических субъектов общества, как специфический образ жизни либо такое социальное поведение индивида, при котором он сознательно (умышленно) стремится обеспечить себе приемлемый уровень жизни в обществе за счет этого же общества.

В поведенческом аспекте социальное иждивенчество может проявляться двумя способами:

1. Неумышленное (неосознанное) действие. Например, по причине наличия инвалидности отсутствует объективная возможность ведения трудовой деятельности, либо человек из-за возникновения определенных психологических проблем, связанных с инвалидностью, не может работать.

2. Умышленное (осознанное) действие. Например, лицо, прикрываясь наличием инвалидности, не желает работать, имея для этого необходимые ресурсы здоровья и трудоспособности.

Понятия «социальное иждивенчество» и «социальный паразитизм» по своей теоретической сущности и практике их выражения различны. Социальный паразитизм — это крайняя деструктивная форма социального иждивенчества, общественно неприемлемый способ существования, который носит криминальный подтекст и осознанный умышленный характер [1; 2]. В некоторых интерпретациях социального паразитизма подчеркивается его девиантная и даже делинквентная природа в явном и скрытом поведении: бродяжничество, попрошайничество, вымогательство, взяточничество, воровство, коррупция и т.д. Итак, понятие «социальное иждивенчество» включает в себя понятие «социальный паразитизм». Социальное иждивенчество может перерасти в социальный паразитизм. Данные понятия отличаются друг от друга способом решения проблем: «иждивенец» ждет добровольной помощи, «паразит» ее добивается насильственным или противоправным путем. В продуцировании различных видов противоправного, в том числе преступного поведения социальное иждивенчество и паразитизм выступают существенным детерминантом. Роль этих негативных социальных явлений в механизме криминологической детерминации вполне определена, поскольку их распространенность и специфика проявлений находятся в тесной взаимосвязи с преступным поведением. Нередко они выступают фоновыми явлениями, индикаторами различных видов преступных посягательств в комплексе с иными актуальными проблемами общественного развития.

В мировой практике укоренилось мнение о том, что социальное иждивенчество и паразитизм порождены сверхвысоким уровнем социальных гарантий и социальной защищенности [7; 8]. В настоящее время необходимость социальной поддержки населения со стороны государства выглядит противоречиво, поскольку, с одной стороны, это обязанность социального государства, а с другой — фактор, порождающий массовое иждивенчество в обществе [9].

Конечно, было бы неверно говорить о том, что благие действия государства, направленные на социальную помощь гражданам, сами собой порождают социальное иждивенчество. Данный факт в большей степени стоит рассма-

тривать как один из результатов применения непродуманной социальной политики государства. Именно по этой причине еще на этапе разработки нормативно-правовой базы, создания программ и проектов по социальной защите населения необходимо привлечение экспертов, проведение апробации и коррекции всех социальных механизмов реализации законов [10–12].

В юридической практике применяется п. 3 ст. 9 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»¹, согласно которому граждане считаются состоявшими на иждивении умершего, если они находились на полном его содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию. Согласно ст. 179 Трудового кодекса РФ, иждивенцы — это нетрудоспособные члены семьи, находящиеся на полном содержании работника или получающие от него помощь, которая служит для них постоянным и основным источником средств к существованию². Указанное определение было взято из Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации». Понятие «иждивенец», кроме трудового законодательства, употребляется и в праве социального обеспечения. В частности, п. 2 ст. 9 данного закона определяет перечень нетрудоспособных членов семьи (находящихся на иждивении кормильца), которые могут иметь право на пенсию по случаю потери кормильца. К таким лицам относятся дети, не достигшие возраста 18 лет, либо обучающиеся очно в образовательных учреждениях всех видов, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет, а также женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком (до момента окончания отпуска по уходу за ребенком) [13].

Общей юридической трактовки социального иждивенчества и социального паразитизма в законодательных актах также не наблюдается. В рамках отдельных нормативно-правовых документов можно наблюдать прямые или косвенные основания для допущения отдельных видов практик социального иждивенчества и паразитизма.

Анализ современного российского законодательства дает основания утверждать, что на

¹ О трудовых пенсиях в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 17 дек. 2001 г. № 173-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12125268>.

сегодняшний день создана серьезная правовая основа, состоящая из федеральных законов, нормативно-правовых актов уровня субъектов РФ, для обеспечения социальных гарантий гражданам РФ, в том числе различных социальных выплат и льгот нуждающимся категориям населения. При этом является весьма слабым либо вовсе отсутствует механизм юридического контроля за реализацией этих законов и исполнением государственной социальной политики, в том числе его правовая и организационно-административная основа. Несовершенный механизм контроля за реализацией мер социальной поддержки граждан способствует формированию иждивенческих настроений у отдельных категорий получателей социальных услуг и льгот [14–16]. Искусственное создание подобных условий для социального иждивенчества способствует формированию мотивации для совершения преступных нарушений, в целом преступного поведения с целью приобретения социальных гарантий отдельными группами населения (рис.).

Незаконные манипуляции способами реализации своих социальных прав, получения социальных гарантий часто носят мошеннический характер (ст. 159 УК РФ)³. В данном случае социальное иждивенчество переходит в другую стадию — социального паразитизма.

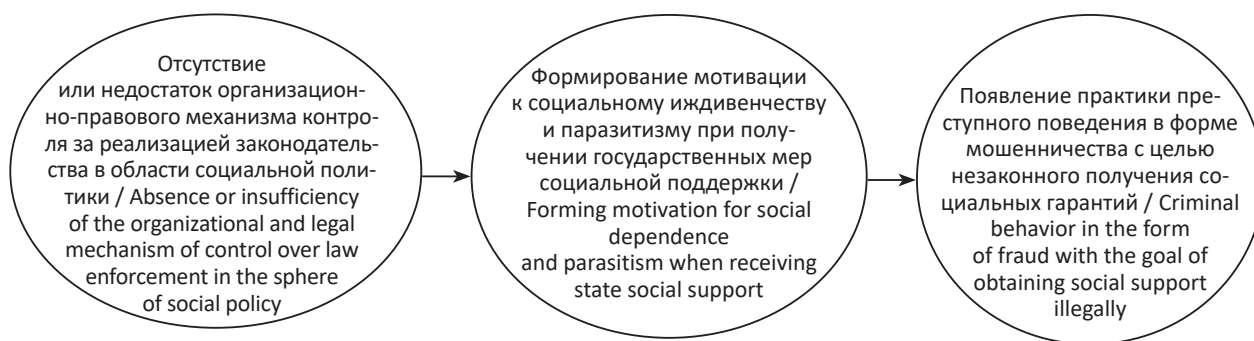
Правовой контроль за реализацией законодательства в области некоторых социальных гарантий также недостаточен, что снижает эффективность деятельности системы социальной защиты граждан. Недоработки и противоречия в законодательстве выступают криминогенным фактором, косвенно приводят к появлению и росту мошенничества как отдельного вида пре-

ступного поведения в сфере получения социальных гарантий [17–19].

Если бы при создании того или иного закона четко прописывались механизмы контроля предоставления социальных гарантий, их легализации, то не создавалось бы условий для совершения преступлений, в частности в форме мошенничества. Более того, при наличии эффективных механизмов правового и организационного контроля за ходом реализации мер социальной защиты граждан мошенничество подобного рода стало бы невозможным [20].

Таким образом, содержание федеральных законов, нормативно-правовых актов и недостатки механизмов их реализации могут выступать криминологическим фактором возникновения и закрепления противоправных практик при реализации гражданами прав на социальные гарантии, провоцируя получателей социальных выплат на совершение преступлений, и даже способствуют появлению новых типов преступлений (например, мошеннические действия со средствами материнского капитала). Создаются условия для закрепления противоправных практик социального паразитизма.

При исследовании проявлений социального иждивенчества и паразитизма в рамках противоправных действий получателей социальных благ авторами статьи во второй половине 2017 г. было проведено качественное социологическое исследование, цель которого — получение экспертных оценок по изучаемому вопросу. В исследовании были применены такие методы сбора информации, как экспертное полуструктурированное интервью и фокус-группа в формате круглого стола. В состав экспертов вошли:

Взаимовлияние правового регулирования и практики социального иждивенчества

Mutual influence of legal regulation and the practice of social dependence

– руководители законодательной и исполнительной ветвей власти регионального и муниципального уровня, а также представители федеральных структур, действующих на территории региона (например, аппарата Уполномоченного по правам ребенка);

– руководители и специалисты министерств и ведомств региона социальной и социозащитной направленности (социального развития, опеки и попечительства; труда и занятости; здравоохранения; образования; молодежной политики; системы исполнения наказаний);

– руководители и специалисты социозащитных учреждений региона (комплексных центров социального обслуживания; центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей; социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних; реабилитационных центров для детей и подростков с ограниченными возможностями; домов-интернатов для престарелых и инвалидов);

– представители некоммерческих организаций, работающих с социально уязвимыми категориями населения (обществ инвалидов, благотворительных фондов, кризисных центров);

– представители вузовской и научной общест-венности — специалисты в области социальной работы и социальной защиты населения.

В ходе экспертного интервью было опрошено 84 специалиста, проживающих на разных территориях Иркутской области (в Иркутске, Ангарске, Шелехове, а также в трех сельских районах). В проведении фокус-группы приняло участие 28 человек, включая членов исследовательской группы. Подавляющее большинство экспертов (более 70 %), участвовавших в интервью, составили руководители и специалисты учреждений социального обслуживания населения, а в состав участников фокус-группы вошли преимущественно руководители законодательной и исполнительной ветвей власти регионального и муниципального уровня, руководители и специалисты министерств и ведомств региона социальной и социозащитной направленности, а также представители некоммерческих организаций и научной общественности.

Согласно ответам экспертов, практики социального иждивенчества в наибольшей мере проявляются среди таких групп населения, как дети-сироты и оставшиеся без попечения родителей, инвалиды, безработные и др. (табл.).

Категории населения, в наибольшей степени подверженные социальному иждивенчеству
Categories of population most prone to social parasitism

Группа населения / Category of population	Доля выбравших данный вариант ответа, % / Share of respondents who chose this answer, %
Пожилые и престарелые люди / Senior citizens	13,9
Многодетные семьи / Families with many children	5,7
Студенты / Students	3,3
Инвалиды / Disabled	22,1
Матери-одиночки (отцы- одиночки) / Single parents	0,8
Безработные / Unemployed	15,6
Лица без определенно- го места жительства / Homeless	7,4
Дети, оставшиеся без по- печения родителей (сиро- ты) / Children left without parental care (orphans)	23,8
Мигранты, беженцы, вынужденные переселен- цы / Migrants, refugees, displaced persons	7,4

Рассмотрим приводимые экспертами примеры проявления недостатков правового регулирования и контроля предоставления социальных гарантий гражданам и, соответственно, формирования практик социального иждивенчества среди граждан трудоспособного возраста, которые пользуются отдельными мерами государственной социальной поддержки.

Как известно, значительная часть социальных гарантий предоставляется гражданам при условии, если средний душевой доход семьи ниже прожиточного минимума. У некоторых граждан закрепилось мнение о том, что малообеспеченной семьей быть выгоднее, чем семьей, в которой доход не намного выше среднедушевого дохода. Если доход семьи меньше прожиточного минимума, такая семья получает разные виды социальных выплат. Данная семья находится в более выгодном материальном положении, чем семья, у которой доход выше прожиточного минимума всего на 100–300 р. и т.д. и которая не может претендовать на различные социальные пособия и компенсации. Подобные обстоятельства приводят к незаинтересованности и нежеланию искать работу с заработком не намного выше прожиточного минимума.

Остановимся на отдельных аспектах действия федеральных законов «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»⁴, «Об опеке и попечительстве»⁵, а также законов Иркутской области «Об отдельных вопросах осуществления деятельности по опеке и попечительству в Иркутской области»⁶, «О пособии на ребенка в Иркутской области»⁷, которые косвенно предполагают возможность брать под опеку и попечительство детей, в том числе *«ради получения социальных выплат и пособий»*.

Приведем пример с приемными родителями, которым предоставляются денежные выплаты на содержание ребенка и денежные вознаграждения родителю. Эксперты проанализировали выплаты данной категории граждан, в которой были учтены только родители трудоспособного возраста, не достигшие пенсионного возраста (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин). С учетом семей, где имеется от одного до трех детей, каждый третий получатель этих выплат не работает. Как отмечают эксперты, *«денежное вознаграждение приемных родителей приравнивается к заработной плате (т.е. с него производятся отчисления страховых взносов в Пенсионный фонд и формируется справка о доходах 2-НДФЛ). Этот приемный родитель имеет требуемый пакет документов для назначения и других мер социальной поддержки, которые предоставляются семьям, где среднедушевой доход семьи ниже прожиточного минимума. Например, ежемесячное пособие как малообеспеченной семье, бесплатное школьное питание, пособие на приобретение школьной и спортивной одежды и т.д.»*.

В данной ситуации правовые системы закрепили нормы, которые способствуют проявлению социального иждивенчества. По мнению экспертов, *«может быть, приемные семьи попросту прикрываются этим статусом, не*

хотят полноценно трудоустроиваться. Для родителя приемной семьи воспитание приемного ребенка — это тоже его место работы, но он за это получает заработную плату гораздо ниже прожиточного минимума».

Итак, являются распространенными случаи проявления социального иждивенчества среди малообеспеченных семей, имеющих детей, в том числе в приемных семьях. В подобных ситуациях супруги, как правило, не работают, а проживают на средства социальных выплат на содержание и воспитание детей. Возможен вариант предупреждения подобной практики иждивенчества: *«поскольку приемные семьи считаются занятыми гражданами, то, может быть, стоит поднимать оплату их труда и доводить до того размера, чтобы в совокупности их семья не рассматривалась как малообеспеченная?»*.

Подобные проявления социального иждивенчества усиливаются статусом многодетной или неполной семьи (супруги намеренно проживают в незарегистрированном браке). Не редки факты преднамеренного оформления развода семейной парой для получения матерью детей статуса матери-одиночки и возможности претендовать на меры социальной поддержки. Аналогичны ситуации фиктивного получения статуса матери-одиночки женщинами, которые фактически воспитывают ребенка в гражданском браке и не являются малоимущими. Отметим, что льготы матерям-одиночкам регламентируются соответствующими нормативно-правовыми актами и предоставляются им практически во всех сферах жизнедеятельности (в жилищной, налоговой сфере, в сфере труда и занятости и др.). Следовательно, подобные умышленные действия преследуют определенную экономическую выгоду.

Можно ли отнести к практикам социального иждивенчества факт получения государственной социальной помощи, которая не является постоянной, не является основным источником средств к существованию? Согласно ФЗ «О государственной социальной помощи»⁸ и закону Иркутской области «О государственной социальной помощи отдельным категориям граждан в Иркутской области»⁹, гражданам ока-

⁴ О государственных пособиях гражданам, имеющим детей [Электронный ресурс] : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Об опеке и попечительстве [Электронный ресурс] : федер. закон от 24 апр. 2008 г. № 48-ФЗ // Там же.

⁶ Об отдельных вопросах осуществления деятельности по опеке и попечительству в Иркутской области : закон Иркут. обл. от 7 дек. 2009 г. № 92/58-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/895246985>.

⁷ О пособии на ребенка в Иркутской области : закон Иркут. обл. от 17 дек. 2008 г. № 130-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424069185>.

⁸ О государственной социальной помощи [Электронный ресурс] : федер. закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ О государственной социальной помощи отдельным категориям граждан в Иркутской области : закон

зывается единовременная материальная или натуральная помощь, связанная с расходами на жизненно необходимые товары и услуги, в случаях чрезвычайных ситуаций, в которых оказались граждане и их семьи, а также в условиях малообеспеченности семьи. Однако подобная возможность охватывает не только действительно нуждающихся и временно оказавшихся в сложной жизненной ситуации, но и тех, для кого проще попросить материальную помощь, чем решить проблему самостоятельно, заработать деньги. В этом случае мы видим явное проявление социального паразитизма.

В то же время Федеральный закон «О государственной социальной помощи»¹⁰ предусматривает государственную социальную помощь на основании социального контракта в целях стимулирования действий граждан по преодолению трудной жизненной ситуации, при которой государство предоставляет денежные выплаты. В Иркутской области они предоставляются гражданам ежемесячно для ведения личного подсобного хозяйства, занятия индивидуальной предпринимательской деятельностью или прохождения профессионального обучения. Как отмечают эксперты, *«государство дает малообеспеченным гражданам не рыбку, а удочку, чтобы человек или семья смогли самостоятельно выйти из трудных жизненных ситуаций. Ежемесячно это примерно 1–3 тыс. р. Но практика показала, что если в сельской местности Иркутской области это еще как-то срабатывает, то в городских населенных пунктах нет. На селе это, как правило, связано с растениеводством, животноводством. В городе с этим сложнее. Так, в городе Иркутске за год заключается всего один-два социальных контракта. Также можно через центр занятости получить какое-то дополнительное образование и потом свое дело открыть. Хотя такая возможность тоже не привлекает граждан, этим стремятся воспользоваться очень немногие»*.

Эксперты со стороны Министерства труда и занятости Иркутской области подтверждают, что граждане, которые заключают социальный контракт, отнесены к приоритетной группе по получению государственной услуги по организации профессионального обучения. Однако, даже

Иркут. обл. от 19 июля 2010 г. № 73-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469419202>.

¹⁰ О государственной социальной помощи : федер. закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ.

получив профессию, они в данном случае не работают. Если рабочих мест на территории нет, то органы занятости содействуют в организации предпринимательской деятельности, предоставляя небольшую субсидию. Но предпринимательство требует дополнительной отчетности, организации деятельности и продолжительности занятия ею. *«Наши граждане морально не подготовлены к постоянному поддержанию своего дохода. Они получили разовую помощь, какой-то период осуществили деятельность. Но в дальнейшем поддерживать себя в том состоянии граждане не мотивированы, и не получается это у них»*. Таким образом, социальные контракты не достигают предназначенной цели.

Федеральный закон «О занятости в РФ»¹¹ дает много оснований для социального иждивенчества в рассматриваемом контексте. В частности, согласно ему, предусмотрена такая государственная услуга в области занятости, как содействие предпринимательству безработных граждан. На самом деле далеко не все безработные граждане, получившие полагающуюся субсидию для открытия индивидуального предпринимательства, расходуют ее на цели своего бизнес-проекта, на продолжение начатой деятельности [21].

Приведем еще один пример, демонстрирующий факт проявления социального иждивенчества, порождаемый недоработками и противоречиями в законодательстве. Согласно п. 2 ст. 34.1 ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»¹² и п. 5 ст. 9 закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»¹³, «детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ищущим работу впервые и зарегистрированным в органах государственной службы занятости в статусе безработного, выплачивается пособие по безработице в течение 6 месяцев в размере уровня средней заработной платы» в соответствующем

¹¹ О занятости населения в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 19 апр. 1991 г. № 1032-1 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Там же.

¹³ О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] : федер. закон от 21 дек. 1996 г. № 159-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

субъекте Российской Федерации. В Иркутской области среднемесячная заработная плата на сегодняшний день составляет 36 603,20 р., реальная заработная плата по имеющимся вакансиям до 10–12 тыс. р. Таким образом, безработным гражданам данной категории невыгодно отказываться от получаемого пособия и идти трудиться.

Трудовой кодекс РФ обязывает работодателя выплачивать заработную плату не ниже минимального размера оплаты труда, в том числе принимая на работу детей сирот в возрасте 16–18 лет при отсутствии у них профессии и каких-либо навыков работы. В то же время мера социальной поддержки в соответствии с законодательством о занятости лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, гарантирует в течение шести месяцев получение пособия по безработице в размере среднего заработка по субъекту РФ. Что выберет такой человек? Желание получать полгода по 38 тыс. р. в месяц или работать за 8–10 тыс. р.? Как свидетельствуют эксперты, психология социального иждивенчества формируется уже в таком возрасте.

В данном случае социальное иждивенчество порождается тем обстоятельством, что гражданина из числа детей-сирот невыгодно осуществлять трудовую деятельность, так как размер заработной платы ниже выплачиваемого пособия по безработице для данной категории граждан [22; 23]. Возникает дилемма: как сохранить для лиц данной категории льготу на получение пособия по безработице в размере среднего заработка и одновременно мотивировать их работать? Одно из предложений экспертов заключается в том, чтобы перевести сумму пособия по безработице работодателям, которые смогут обеспечить работой такого подростка. Но с другой стороны, здесь возможно злоупотребление, сговор. Всегда найдется такое предприятие, которое его примет, разделит с ним его 38 тыс. р. и через полгода его уволит.

Приведем еще один пример, связанный с трудоустройством лиц данной категории. Ребят в возрасте от 14 до 18 лет, когда они еще находятся в статусе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, стараются на время летних каникул трудоустроить согласно ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»¹⁴. По словам экспертов, летний труд давал им возможность заработать по 3–4 тыс. р. в месяц

до наступления совершеннолетия. Когда такие ребята переходили в статус лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (от 18 до 23 лет), заканчивали колледж и обращались в центр занятости, то до 2017 г. центр занятости отказывал им в участии в программе «Стажировка или временная занятость выпускников без опыта работы». Подобная практика была единая в целом по России, потому что данный вопрос был не отрегулирован в законодательстве: лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, отказывали в участии в данной программе центра занятости. Поскольку они не относятся к категории впервые ищущих работу, у них утрачен статус впервые ищущего работу молодого выпускника. По словам экспертов, *«работал месяц в прошлом году и еще полтора месяца в позапрошлом году в летний период. В результате летом девятиклассники, восьмиклассники, десятиклассники дети-сироты уже не желают идти работать, чтобы не портить себе будущую возможность в течение полгода получать пособие по безработице в размере средней заработной платы по региону»*.

Кроме того, большинство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ведут иждивенческий образ жизни после достижения совершеннолетия. Большую часть своей жизни они находятся на государственном обеспечении и, выходя из детского учреждения, продолжают думать, что им все должны, не хотят идти работать и учиться. Эксперты отмечают: *«Выйдя из учреждения, они оказываются не приспособленными к жизни в бытовом плане, в финансовом плане (не способны рационально потратить денежные средства). Живя до 15 лет на всем готовом, они ждут этого и дальше. Сейчас проживание в детском учреждении позволено до 23 лет, и это тоже склоняет их к иждивенческому поведению»*.

Еще одной из основных и значимых социальных гарантий, предоставляемых детям-сиротам, является обеспечение их жилыми помещениями, что регулируется Федеральным законом «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»¹⁵ и законом Иркутской области «О порядке обеспечения

¹⁴ О занятости населения в Российской Федерации : федер. закон от 19 апр. 1991 г. № 1032-1.

¹⁵ О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : федер. закон от 21 дек. 1996 г. № 159-ФЗ.

детей-сирот жилыми помещениями»¹⁶. В данном случае можно утверждать о проявлении не социального иждивенчества, а мошенничества со стороны лиц из числа детей-сирот, что выражается «в предоставлении жилья тем детям, которые уже имеют жилье, но по каким-либо установленным законом причинам не могут там проживать и в связи с этим претендуют на получение нового жилья при условии, что уже имеющаяся жилая площадь также остается у сироты. Также есть случаи повторного предоставления жилья после того, как сирота уже единожды получил жилье по социальному найму, продал его и снова встал на учет нуждающихся».

Приведем наглядный пример: «Гражданка Н. получила жилье как сирота по договору социального найма, приватизировала, продала эту квартиру. Затем написала письмо президенту, ее повторно поставили на учет, так как фактически жилья она не имела, а информацию о том, что ей уже было предоставлено жилье, не проверили. При повторном получении квартиры выяснилось, что она приобрела под материнский капитал жилье в Братском районе (это был дом площадью 12 м², предположительно, фиктивная сделка для обналичивания материнского капитала до трех лет). Когда она узнала, что скоро ей предоставят жилье как сироте, то срочно переоформила жилье полностью на своих детей. Однако не учла, что в Жилищном кодексе РФ есть статья про ухудшение своих жилищных условий, которое влечет невозможность в ближайшие пять лет участвовать в программах по улучшению жилищных условий. А через пять лет она утрачивает право на включение в список на предоставление жилья как лицу из числа детей-сирот».

Социальное иждивенчество просматривается и со стороны родителей, лишенных родительских прав, чьи дети приобретают статус оставшихся без попечения родителей (социальные сироты) и оформляются на проживание в детские социальные учреждения (социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, в центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей). Как отмечают экс-

перты в данной области практической деятельности: «Мать лишается родительских прав. Учреждение обязано провести работу и вернуть ребенка в семью. Матери предлагают устроиться на работу, встать на учет в центр занятости и т.д. Мать говорит: «Да зачем? Мой ребенок накормлен, одет, обут, вы его развлекаете. Он выйдет из учреждения, окончит учебное заведение, в котором вы же его и проучите, и еще получит квартиру».

В данном контексте приведем пример еще одного типичного способа обойти закон, не нарушая его. Ситуация заключается в следующем: «Осуществлено лишение родительских прав матери в отношении первого ребенка. Опекун назначены бабушка и дедушка. Мамочка одумалась, встала на ноги, выходит замуж, теперь у нее трое детей. Все живут прекрасно в соседних домах. Нет правовых оснований для того, чтобы принудительно лишить опекуна бабушку и дедушку. В семейном законодательстве оснований понудить мать восстановиться в родительских правах тоже нет. В результате 18 лет государство платит опекунам и содержит ребенка. И все воспитываются в одной благополучной семье. Это проблема системная и их тысячи».

Рассмотрим действия с материнским капиталом, выходящие за рамки Федерального закона «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей»¹⁷. Благодаря введению программы материнского (семейного) капитала наряду с увеличением рождаемости государство получило новые социальные проблемы — рост безработицы, рост числа неблагополучных семей (предпосылки возникновения социального иждивенчества).

Кроме того, появление данной меры поддержки выступило одновременно и криминальным фактором, спровоцировавшим новый вид мошеннических действий — мошенничество с материнским капиталом. Закон не предусмотрел возможность получения материнского капитала наличными денежными средствами, что способствовало появлению многочисленных противоправных схем, направленных на их обналичивание, и, соответственно, породило новый вид преступного поведения [24]. Любая сделка по обналичиванию материнского капита-

¹⁶ О порядке обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями в Иркутской области : закон Иркут. обл. от 28 дек. 2012 г. № 164-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/453124926>.

¹⁷ О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей [Электронный ресурс] : федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 256-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

ла содержит признаки преступного поведения, квалифицируемого прежде всего по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ.

Существует множество описанных сегодня в науке типичных способов мошенничества с материнским капиталом. Наиболее распространенными и часто используемыми являются обналичивание средств; получение сертификата лицами, не имеющими на него прав; ипотека; аферы должностных лиц. И такие способы мошеннических действий с материнским капиталом совершенствуются, адаптируясь к развивающимся мерам контроля за их реализацией.

Один из случаев, описываемых экспертами: *«Обращение одинокой матери за получением средств материнского (семейного) капитала в связи с рождением четвертого ребенка. В результате проверки было выявлено, что средства МСК были использованы не на улучшение жилищных условий, а с целью их обналичивания. Семья по-прежнему проживает в комнате старого общежития, в настоящее время состоит на учете органов ПДН, мама детей привлечена к ответственности».*

Нередко семьи идут на нецелевое использование материнского капитала (самостоятельно либо с поддержкой посреднических фирм) вследствие правовой безграмотности. Существуют фирмы, которые за небольшую сумму или вовсе бесплатно предлагают обналичить материнский капитал. Мошеннические схемы с семейным капиталом при этом нередко достаточно сложны и обуславливаются, наряду с иными причинами, двумя проблемами в государстве — высоким уровнем коррупции и отсутствием соответствующего механизма проверок проведения различных сделок.

С данным обстоятельством связана и реализация Закона Иркутской области «О социальной поддержке в Иркутской области семей, имеющих детей»¹⁸ и Закона Иркутской области «О внесении изменений в Закон Иркутской области «О социальной поддержке в Иркутской области семей, имеющих детей»¹⁹. На примере

¹⁸ О социальной поддержке в Иркутской области семей, имеющих детей : закон Иркут. обл. от 23 окт. 2006 г. № 63-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802076883>.

¹⁹ О внесении изменений в закон Иркутской области «О социальной поддержке в Иркутской области семей, имеющих детей» : закон Иркут. обл. от 10 июля 2017 г. № 59-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/450255854>.

этих законов рассмотрим, что осуществляется со стороны государства, чтобы меры социальной поддержки начали реализоваться с учетом критериев адресности и нуждаемости.

В рамках закона предусматривается бесплатное питание и другие льготы для многодетных малоимущих семей. В 2017 г. были внесены изменения в закон № 63-ОЗ. Ужесточились условия предоставления данной меры. Сейчас введено документальное подтверждение доходов семьи и добавились новые условия: 1) осуществление трудоспособными гражданами трудовой деятельности; либо 2) наличие статуса безработного, зарегистрированного в центре занятости. Данные условия не распространяются на граждан, которые попадают под исключение (те, кто осуществляет уход за ребенком до трех лет, за инвалидом, граждане старше 80 лет, лица, имеющие личное подсобное хозяйство, и пр.).

По словам экспертов, *«закон Иркутской области «О социальной поддержке в Иркутской области семей, имеющих детей» в начальном варианте действовал на протяжении десяти лет. Теперь условия резко изменены. В результате наблюдается шквал отрицательных эмоций со стороны многодетных родителей. Причем жалобы поступают в основном со стороны неработающих мужчин. До внесения законодательных изменений они говорили, что копейки нам платите, а теперь — нас лишили льгот. А решение проблемы простое — трудоустройтесь, и возможность получения льготы вернется. С их точки зрения, легче получить социальные выплаты и льготы, чем пойти на работу или, например, оформить социальный контракт».*

Таким образом, анализ совершения типичных противоправных деяний, в том числе преступлений, в области получения социальных гарантий позволяет говорить о сложной взаимодействующей совокупности факторов и субъектов, растянутой во времени и имеющей причинно-следственные связи с последствиями мошенничества. Проводится ли экспертиза нормативно-правовых актов на предмет формирования возможностей развития социального иждивенчества? Если да, то такая экспертиза недостаточна эффективна. Это во многом и является главной причиной того, почему российское законодательство на сегодняшний день предоставляет так много возможностей для существования социального иждивенчества. Однако, принимая закон, тот или иной нормативный акт, невозмож-

но наперед предусмотреть абсолютно все нюансы, которые возникнут в ходе его реализации.

Анализируя разные нормативные акты, необходимо отметить, что в них оговаривается разный перечень оснований, которые дают право признать семью малоимущей. В одних требуется много справок, подтверждающих малообеспеченность, вплоть до подтверждения собственности на транспортное средство, на все объекты недвижимости и т.д. В других нормативных актах

учитывается только среднедушевой доход. То есть существуют разные критерии подтверждения нуждаемости, нет в законодательстве определенного единого подхода к этому вопросу. Необходимо совершенствовать существующую законодательную базу, с помощью которой можно отслеживать и предупреждать социально неблагоприятные тенденции и последствия социального иждивенчества, переходя от принципа адресности к принципу нуждаемости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпикова И.С. Социальное иждивенчество как феномен современной России: теоретические подходы к исследованию / И.С. Карпикова, Е.В. Зиминая // *Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы 4-й междунар. науч.-практ. конф., г. Улан-Удэ, 2–4 дек. 2015 г.* — Улан-Удэ, 2015. — С. 166–167.
2. Карпикова И.С. Особенности теоретической интерпретации феномена социального иждивенчества в условиях российского социума [Электронный ресурс] / И.С. Карпикова // *Baikal Research Journal*. — 2017. — Т. 8, № 4. — Режим доступа: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=21897>.
3. Кузнецов И.С. Роль иждивенчества в системе социального обеспечения / И.С. Кузнецов // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. — 2009. — № 3. — С. 72–75.
4. Мосейко В.В. Социальное государство vs социальное иждивенчество / В.В. Мосейко, Е.А. Фролова // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. — 2014. — № 8 (149). — С. 102–107.
5. Шаровская А.В. Социальное иждивенчество как проявление проблемы самоактуализации личности общества потребления / А.В. Шаровская // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. — 2012. — № 10-1. — С. 205–208.
6. Жмакина М.О. Социальное иждивенчество как результат политики социального государства в современном российском обществе / М.О. Жмакина // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. — 2014. — № 6. — С. 399–403.
7. Gelissen J. Popular support for institutionalized solidarity: a comparison between European welfare states / J. Gelissen // *International Journal of Social Welfare*. — 2012. — № 4. — P. 91–106.
8. Романов П.В. Промышленный социальный патернализм в системе социальной политики предприятий / П.В. Романов // *Журнал исследований социальной политики*. — 2005. — Т. 3, № 3. — С. 287–304.
9. Сидорина Т.Ю. Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? / Т.Ю. Сидорина // *Terra Economicus*. — 2012. — Т. 10, № 3. — С. 84–99.
10. Темницкий А.Л. Патерналистские основы российской цивилизации в сфере труда / А.Л. Темницкий // *Социологическая наука и социальная практика*. — 2015. — № 2 (10). — С. 51–69.
11. Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной адаптации» / Е.С. Балабанова // *Социологические исследования*. — 1999. — № 4. — С. 46–57.
12. Грязнова О.С. Запрос населения на государственную поддержку и оценки последствий деятельности социального государства в России и Европе / О.С. Грязнова // *Социологические исследования*. — 2014. — № 11 (367). — С. 44–52.
13. Дзарасов Р. От социального государства к мировому кризису. И обратно? / Р. Дзарасов // *Логос*. — 2014. — № 2 (98). — С. 235–260.
14. Bradshaw J. Public attitudes to dependency and the welfare state / J. Bradshaw, E. Mayhew // *International Journal of Market Research*. — 2004. — Vol. 46 (4). — P. 49–63.
15. Гомцяня О.А. Трансформация российского общества: ретроспекция проблем постсоветской России / О.А. Гомцяня // *Человек. Сообщество. Управление*. — 2015. — Т. 16, № 1. — С. 60–77.
16. Емцов Р.Г. Иждивенчество или содействие? Программы социальной помощи и стимулы к труду / Р.Г. Емцов, Е.И. Андреева, М.А. Нагерняк // *Financial Journal*. — 2017. — № 4 (38). — С. 24–33.
17. Коновалова М.П. Социальное иждивенчество: причины и следствия / М.П. Коновалова // *Вестник Томского государственного университета*. — 2006. — № 292-2. — С. 360–362.
18. Шевелева Н.П. Предпосылки формирования социального иждивенчества в среде российской молодежи / Н.П. Шевелева, И.С. Кузнецов // *Теория и практика общественного развития*. — 2015. — № 18. — С. 21–23.
19. Бозиев Т.О. Анализ законодательной базы по правам детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в современной России / Т.О. Бозиев, М.А. Кривошеева // *Журнал правовых и экономических исследований*. — 2012. — № 3. — С. 23–28.
20. Чукреев П.А. Социальное иждивенчество в многодетных семьях Республики Бурятия как следствие неблагоприятных условий развития / П.А. Чукреев, Л.И. Уханаева // *Вестник Бурятского государственного университета*. — 2015. — № 14. — С. 64–68.
21. Тарабан О.В. Содержание и функции процесса внутрифирменной мобильности / О.В. Тарабан // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. — 2006. — № 5 (50). — С. 90–92.

22. Бахматова Т.Г. Оценка эксклюзии сирот на рынке труда [Электронный ресурс] / Т.Г. Бахматова, Ю.А. Чусова // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2013. — № 3. — Режим доступа: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=18121>.
23. Шишмарева Е.В. Характеристика типичных способов мошенничества с материнским капиталом / Е.В. Шишмарева // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2015. — № 3-2. — С. 245–252.
24. Малыева Е.С. Особенности некоторых способов хищений средств материнского капитала / Е.С. Малыева // Вестник криминологии. — 2013. — № 2. — С. 59–64.
25. Бекренева Т.А. Материнский капитал — повод для мошенничества / Т.А. Бекренева // Жилищное право. — 2012. — № 4. — С. 57–64.

REFERENCES

1. Karpikova I.S., Zimina E.V. Social dependency as a phenomenon of modern Russia: theoretical approaches to research. *Formy i metody sotsial'noi raboty v razlichnykh sferakh zhiznedeyatel'nosti. Materialy 4-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Ulan-Ude, 2–4 dekabrya 2015 g.* [Forms and methods of social work in various spheres of life. Materials of 4th International Research Conference, Ulan-Ude, December 2–4, 2015]. Ulan-Ude, 2015, pp. 166–167. (In Russian).
2. Karpikova I.S. Features of theoretical interpretation of the social dependency phenomenon in terms of Russian society. *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, no. 4. Available at: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=21897>. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).9. (In Russian).
3. Kuznetsov I.S. Dependency role in social security system. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika = News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, 2009, no. 3, pp. 72–75. (In Russian).
4. Moseiko V.V., Frolova E.A. Welfare State vs Social Dependence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, no. 8 (149), pp. 102–107. (In Russian).
5. Sharovskaya A.V. Social dependency as manifestation of consumer society individual's self-actualization problem. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2012, no. 10-1, pp. 205–208. (In Russian).
6. Zhmakina M.O. Social dependence as a result of social state policy in modern Russian society. *Sotsiologiya v sovremenom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo = Sociology in Modern World: Science, Education, Creativity*, 2014, no. 6, pp. 399–403. (In Russian).
7. Gelissen J. Popular support for institutionalized solidarity: a comparison between European welfare states. *International Journal of Social Welfare*, 2012, no. 4, pp. 91–106.
8. Romanov P.V. The industrial paternalism in the system of social policy of enterprises. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = The Journal of Social Policy Studies*, 2005, vol. 3, no. 3, pp. 287–304. (In Russian).
9. Sidorina T.Yu. The «Welfare State» Campaign: Has it Decided the Problems of the Ideal State? *Terra Economicus*, 2012, no. 3, pp. 84–99. (In Russian).
10. Temnitskii A.L. The paternalistic basis of Russian civilization in the sphere of labor. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological Science and Social Practice*, 2015, no. 2 (10), pp. 51–69. (In Russian).
11. Balabanova E.S. Socio-economic dependence and social parasitism: the strategies of «negative adaptation». *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1999, no. 4, pp. 46–57. (In Russian).
12. Gryaznova O.S. The demands of the people for state support and the evaluations of the consequences of social state in Russia and in Europe. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2014, no. 11 (367), pp. 44–52. (In Russian).
13. Dzarasov R. From the social state to the global crisis. And back? *Logos*, 2014, no. 2 (98), pp. 235–260. (In Russian).
14. Bradshaw J., Mayhew E. Public attitudes to dependency and the welfare state. *International Journal of Market Research*, 2004, vol. 46 (4), pp. 49–63.
15. Gomtsyan O.A. The transformation of the Russian society: the retrospective analysis of the post-Soviet Russia. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie = Man. Community. Management*, 2015, vol. 16, no. 1, pp. 60–77. (In Russian).
16. Emtsov R.G., Andreeva E.I., Nagernyak M.A. Dependence or assistance? Social support programs and stimuli for labor. *Financial Journal*, 2017, no. 4 (38), pp. 24–33. (In Russian).
17. Konovalova M.P. Social dependence: causes and consequences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2006, no. 292-2, pp. 360–362. (In Russian).
18. Sheveleva N.P., Kuznetsov I.S. Preconditions of Social Dependency of Russian Youth. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2015, no. 18, pp. 21–23. (In Russian).
19. Boziev T.O., Krivosheeva M.A. The analysis of the legislative basis regarding the rights of orphans and children without parental care in modern Russia. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy = Journal of Legal and Economic Studies*, 2012, no. 3, pp. 23–28. (In Russian).
20. Chukreev P.A., Ukhanaeva L.I. Social dependency in families with many children in the Buryat Republic as a consequence of unfavorable development conditions. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*, 2015, no. 14, pp. 64–68. (In Russian).
21. Taraban O.V. Mobility in the firm: content and functions. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2006, no. 5 (50), pp. 90–92. (In Russian).
22. Bakhmatova T.G., Chusova Y.A. Analysis of orphans' exclusion on labour market. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikalskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2013, no. 3. Available at: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=18121>. (In Russian).

23. Shishmareva E.V. Characteristics of typical maternal capital frauds. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya of the Tula State University. Economic and legal sciences*, 2015, no. 3-2, pp. 245–252. (In Russian).

24. Malueva E.S. Specific features of some ways of embezzling the maternal capital. *Vestnik kriminalistiki = Bulletin of Criminalistics*, 2013, no. 2, pp. 59–64. (In Russian).

25. Bekreneva T.A. Maternal capital as the reason for fraud. *Zhilishchnoe pravo = Housing Law*, 2012, no. 4, pp. 57–64. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпикова Ирина Серафимовна — доцент кафедры социологии и психологии Байкальского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: karpikovais@bgu.ru.

Нефедьева Елена Ивановна — доцент кафедры социологии и психологии Байкальского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: nei10@mail.ru.

Седых Ольга Геннадьевна — доцент кафедры социологии и психологии Байкальского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: sedyholga@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Карпикова И.С. Социальное иждивенчество и паразитизм в продуцировании противоправного поведения / И.С. Карпикова, Е.И. Нефедьева, О.Г. Седых // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 2. — С. 165–177. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(2).165-177.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karpikova, Irina S. — Ass. Professor, Chair of Sociology and Psychology, Baikal State University, Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: karpikovais@bgu.ru.

Nefedyeva, Elena I. — Ass. Professor, Chair of Sociology and Psychology, Baikal State University, Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: nei10@mail.ru.

Sedykh, Olga G. — Ass. Professor, Chair of Sociology and Psychology, Baikal State University, Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: sedyholga@yandex.ru.

FOR CITATION

Karpikova I.S., Nefedyeva E.I., Sedykh O.G. Social dependence and parasitism in inducing unlawful behavior. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 165–177. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(2).165-177. (In Russian).